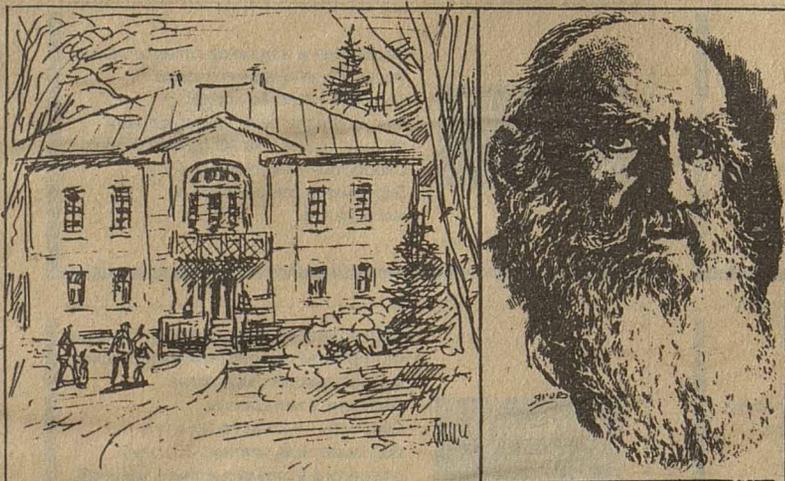

НЕ ИЗБЕЖАЛ СОБЛАЗНА

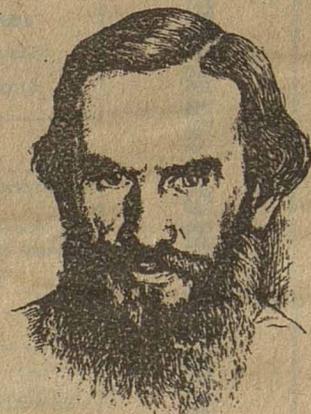
Толстой прожил мучительную жизнь. Оттого, что находился в постоянной борьбе с самим собой; совмещал в одном лице (точнее, в одной душе) воспитателя и воспитуемого; стремился к идеалу недостижимому, ибо идеал тот был взращен там же, в душе. В 18 лет он запишет в дневнике: «Что есть цель жизни человека?» и сам же ответит: «Цель — всевозможное способствование к всестороннему развитию всего существующего». Пафосно? Пожалуй, но мысль и стремление ясны — изменить мир. Как? Конечно же, изменяя себя. Лев Николаевич занимался этим, терзал себя неустанно. Двадцатитрехлетним он «нарал» себя в дневнике, разбирая каждые прожитые сутки: «Проснулся поздно. Надо работать. Но пришел гость, а я его не отправил (лень и трусость). У Озерова спорил о глупости (привычка спорить). На гимнастике не сделал ни одной штуки оттого, что больно (нежничество)». И т. д.

«У меня нет ни ума практического, ни ума светского, ни ума делового... Я не храбр!» — запишет он после обороны Севастополя, когда о его храбрости будут ходить легенды. Пятидесятишестилетний Толстой «выговорит» себе: «Курил и неприятным тоном заговорил за чаем».

Лев Николаевич, всю жизнь подавлявший в себе соблазны, так и не избежал одного из них: соблазна — все-таки — изменить мир.

Своими произведениями старался он сделать это. Все хорошее от любви — квинтэссенция романа «Война и мир». Ибо без любви — пустота, а в ней возникают цинизм и роскошь, преступление и эксплуатация — о чем, собственно, «Анна Каренина» и «Воскресение».

И еще. «Чтобы жить честно, надо вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная под-

лость... Цитата, как бы мудра она ни была, пока в кавычках, мертва и отстраненна. Снять кавычки, примерить на себя, применить ее в ежедневном блуждании духа и плоти — тогда она станет ожившей мыслью, действием, поступком во благо «всего существующего».

Д. О.

Рис. Э. ЯРОВА.

